

Опера - бомба !

фото - MONICA RITTERSHAUS

Замечательная певица Елена Васильева (слева) через мегафон имитирует лай и рычание Собаки.

Так окрестила певица Елена Васильева новое сочинение Александра Раскатова (р. в 1953 г.), когда он ей первой сыграл клавир оперы «Собачье сердце», написанный по одноименной повести Михаила Булгакова.

Это образное предсказание полностью оправдалось. Тому способствовал ряд важных факторов. Взрывная сила сенсационной оперы, созданной по заказу Амстердамского музыкального театра, исходит одновременно от всех компонентов полифонического спектакля: литературного источника и партитуры, сценического воплощения и исполнительства. Благодаря их взаимному и органичному сплетению и обогащению родилась именно «опера - бомба», не имеющая аналогов в театральном мире как по музыкально-драматургической мощи, так и по сценической насыщенности. Эксцентричный спектакль, к тому же, является столь монолитным, что трудно поверить в то, что он создавался не в едином творческом порыве всех авторов, а поэтапно: не зная режиссера, русский композитор сочинил партитуру оперы, поставил ее британец Саймон МакБерни, а исполнил - международный состав артистов.

Повесть Булгакова «Собачье сердце», написанная в 1925 году, на протяжении 65-и лет была запрещена в Советском Союзе, ибо содержала едкую сатиру на власть большевиков. Все происходящее здесь имеет характер политической аллегии, отражающей суть и структуру власти послереволюционной России. Булгаков рассказывает фантастическую и абсурдную историю о пересадке человеческого гипофиза в мозг собаки, что приводит к ее «полному очеловечиванию». Эта утопия завершается катастрофой, поскольку после мутации животное (по кличке Шарик) становится наглым и агрессивным преступником с фамилией Шариков. Вселяя в окружающих страх, он вливается в ряды бесчинствующих в послереволюционной России большевиков, быстро усвоив их мораль.

Несмотря на сложность воплощения в оперном жанре политически острой драматургии повести Булгакова, композитор смело ринулся в бушующий водоворот экстравагантного сюжета и сочинил необычайно экспрессивную партитуру, адекватную по музыкальной силе литературному источнику. В оперном произведении Раскатов достигает и философского осмысления эксперимента профессора Преображенского: вернув Шарикову его прежний собачий вид, в эпилоге он оказывается среди множества своего рода клонов Шарикова, нагло декламирующих свои экстремистские права господства над человечеством.

По счастливому стечению обстоятельств феноменальная партитура попала к маститому театральному режиссеру МакБерни, работа над которой стала для него оперным дебютом. Раскатов в юности написал в Москве клавир оперы «Колодец и маятник» по рассказу Эдгара По, но именно «Собачье сердце» было первым поставлено. МакБерни необычайно чутко и бережно, с любовью и уважением отнесся к партитуре, в итоге создал удивительно точно и образно не только большие картины, но и мелкие детали. Казалось, что Раскатов сочинял партитуру вместе с режиссером, ибо каждая музыкальная фраза получила должное сценическое воплощение. Чудо, да и только! Сегодня почти нет режиссеров, которые так скрупулезно работают с оперной партитурой.

Новации и метаморфозы

Двухактный спектакль идет с антрактом почти три часа, но время пролетает быстро, ибо оперное действие развивается на едином дыхании, без пауз между многочисленными картинами. Чтобы избежать это неудобство, сценограф Майкл Левине избрал удобный способ организации театрального пространства. На почти полностью открытой сцене возвышается каркас металлических ферм. Вмонтированная в него декоративная стена, служащая и экраном, периодически перемещается из глубины сцены на ее окраину (иногда занимая поперечное или наклонное положение) и буквально на глазах у публики формирует сценографию оперных картин. Их быстрой смене способствует спуск с колосников и подъем люстры, а также передвижение полифункционального стола.

Несмотря на простоту декорации, каждая оперная картина полнокровно живет не только музыкально, но и сценографически, что достигается динамичным светом Пола Андерсона и документальной кинохроникой в композиции Финна Росса. Проектируемые на стене черно-белые кинофрагменты воссоздают снежную пургу на московской улице, шеренги революционных матросов и спортсменов, марширующих по Красной площади, большевистские лозунги и газетные статьи, совмещенный бег собаки и человека. На цветных видео предстает собрание врачей-академиков и оскал лающей собаки.

ФОТО - MONICA RITTERSHAUS

Профессор, Борменталь и Зина оперируют Шарика

Все элементы сценографии и видео обостряют фантазмагорическое действие: оно развивается в высшей степени театрально и даже кинематографично. Центральный персонаж - Собака, благодаря богатой выдумке режиссера и тонкому искусству трех ее кукловодов-поводырей, живет на сцене подлинной собачьей жизнью: бегают и садиться, встает на задние лапы, ложиться в свою корзину, порой задирает лапу, чтобы помочиться.

С редкой фантазией и выдумкой показана операция Шарика. Вначале она проектируется на стене, как на экране театра теней: Профессор и его ассистент Борменталь ловко манипулируют скальпелем, семенниками и сверлом в ореоле фонтанов крови, вызывая хохот в зрительном зале. Затем операция предстает реально, и зрители видят, как постепенно у Собаки появляется человеческая голова и руки. Наконец, на операционном столе встает во весь рост голый Шариков, шокируя публику

гипертрофированными гениталиями. Он показывает вульгарный жест, на этом заканчивается первое отделение спектакля.

Важной его особенностью являются текстовые хроники, отражающие проведение медицинского эксперимента и эволюцию подопытного животного. Для их воплощения режиссер придумал оригинальное решение. На стене периодически проектируется английский текст и клавиатура старой пишущей машинки, на которой печатает Борменталь, сидя за письменным столом, катающемся по авансцене.

Второй акт открывает удивительно поставленный сон Профессора - кошмарное видение, в котором Шариков юродствует среди врачей-академиков, заполнивших всю сцену, а, благодаря видео, и экран. Оперное действие захватывает обилием находок и новаций как композитора, так и режиссера. Эпоха «большевизма» в России предстает поразительно точно и убедительно, чему способствуют и театральные костюмы, выполненные Кристиной Каннингхэм. Многие сцены идут с участием пролетариев, аккуратно одетых и картинно дефилирующих по сцене с книгами, газетами и красными знаменами.

ФОТО - MONICA RITTERSHAUS

Шариков (Александр Кравец) в кошмарном сне Профессора

Эффектно предстает драка уличных котов, оживляемых поводырями. Публика хохочет, когда рыжий кот мечется по квартире Профессора, ловко перескакивая со стен на люстру, пытаясь ускользнуть от преследования Шарикова. Но тот все-таки ловит кота в туалете, и там начинается настоящий потоп.

Ключевой картиной является операция Шарикова с целью его превращения обратно в Собаку. Санитары покрывают сцену белой тканью, на которой вершится хирургическая экзекуция. При этом, как в фильмах, пародирующие ужасы, сцена обильно поливается кровью прямо из ведер.

Финал спектакля потрясает глубиной и силой символического послыла: возле Профессора, читающего книгу, усаживается Шарик, а по сцене ходят на четвереньках клоны Шарикова; на экране возникает злобный оскал собаки, а на авансцене 16 вокалистов дико воют в мегафоны с нарастанием силы и высоты звука.

Исполнение

Необычайно рельефная и контрастная музыка оперы построена на выразительных приемах стокаттной техники, ювелирно инкрустирована патетическими и саркастическими пассажами, а также джазовыми и фольклорными наигрышами. Здесь звучат и матерные частушки Шарикова под балалайку, и знаменитая тема революционной песни «Смело товарищи в ногу», и виртуозные вариации саксофона.

Британский дирижер Мартин Браббинс, в 80-е годы обучавшийся в Петербургской консерватории, проделал большую и серьезную работу с партитурой и Филармоническим оркестром «Радио Камер». Это обеспечило спектаклю животворную силу, музыкальную красочность и экспрессивную динамику. Весомый вклад в успех постановки внес нидерландский ансамбль «Вокал ЛАБ».

Оперу исполняют на русском языке великолепные артисты из пяти стран. Несмотря на сложность партий, все поют и играют с предельной отдачей. Особое восхищение вызывают солисты.

Партия Собаки имеет два голоса: злой (лай и рычание), который издает через мегафон замечательная певица Елена Васильева (она ярко исполняет и роль Дарьи), и добрый, который дивно звучит благодаря таланту эстонского контратенора Иво Пости. Шарикова гениально воплощает Александр Кравец. Проявляя собачью пластику, он блистательно поет, порой легко взлетая на фальцет и получая удовольствие. Кажется, что партия Шарикова написана специально для него; в ее интерпретации ему нет равных.

Образ Профессора превосходно трактует прославленный Сергей Лейферкус с красивейшим баритоном и уникальной дикцией. Высших комплиментов заслуживают Вилле Русанен (Борменталь), Нэнси Аллен Лунди (Зина), Василий Ефимов (Швондер), Софи Демар (возлюбленная Шарикова).

Английская национальная опера показала этот же спектакль 8 раз в Лондоне на сцене «Колизеума», начиная с 20 ноября. Представления шли на английском языке с новым составом исполнителей; в роли Шарикова вновь блистал Александр Кравец.

Информация на сайте www.dno.nl